Гавриилиада

Автор:
Александр Пушкин

Гавриилиада

Александр Сергеевич Пушкин

«Воистину еврейки молодой Мне дорого душевное спасенье. Приди ко мне, прелестный ангел мой, И мирное прими благословенье. Спасти хочу земную красоту! Любезных уст улыбкою довольный, Царю небес и господу-Христу Пою стихи на лире богомольной. Смиренных струн, быть может, наконец Ее пленят церковные напевы, И дух святой сойдет на сердце девы; Властитель он и мыслей и сердец…»

Александр Сергеевич Пушкин

Гавриилиада

Воистину еврейки молодой

Мне дорого душевное спасенье.

Приди ко мне, прелестный ангел мой,

И мирное прими благословенье.

Спасти хочу земную красоту!

Любезных уст улыбкою довольный,

Царю небес и господу-Христу

Пою стихи на лире богомольной.

Смиренных струн, быть может, наконец

Ее пленят церковные напевы,

И дух святой сойдет на сердце девы;

Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смиренье,

Бровь темная, двух девственных холмов

Под полотном упругое движенье,

Нога любви, жемчужный ряд зубов…

Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,

И по лицу румянец пробежал?

Нет, милая, ты право, обманулась:

Я не тебя, – Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,

Вдали забав и юных волокит

(Которых бес для гибели хранит),

Красавица, никем еще не зрима,

Без прихотей вела спокойный век.

Ее супруг, почтенный человек,

Седой старик, плохой столяр и плотник,

В селенье был единственный работник.

И день и ночь, имея иного дел

То с уровнем, то с верною пилою,

То с топором, не много он смотрел

На прелести, которыми владел,

И тайный цвет, которому судьбою

Назначена была иная честь,

На стебельке не смел еще процвесть.

Ленивый муж своею старой лейкой

В час утренний не орошал его;

Он как отец с невинной жил еврейкой,

Ее кормил – и больше ничего.

Но, братие, с небес во время оно

Всевышний бог склонил приветный взор

На стройный стан, на девственное лоно

Рабы своей – и, чувствуя задор,

Он положил в премудрости глубокой

Благословить достойный вертоград,

Сей вертоград, забытый, одинокой,

Щедротою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;

В своем углу Мария сладко дремлет.

Всевышний рек, – и деве снится сон;

Пред нею вдруг открылся небосклон

Во глубине своей необозримой;

В сиянии и славе нестерпимой

Тьмы ангелов волнуются, кипят,

Бесчисленны летают серафимы,

Струнами арф бряцают херувимы,

Архангелы в безмолвии сидят,

Главы закрыв лазурными крылами, -

И, яркими одеян облаками,

Предвечного стоит пред ними трон.

И светел вдруг очам явился он…

Все пали ниц… Умолкнул арфы звон.

Склонив главу, едва Мария дышит,

Дрожит как лист и голос бога слышит:

«Краса земных любезных дочерей,

Израиля надежда молодая!

Зову тебя, любовию пылая,

Причастница ты славы будь моей:

Готовь себя к неведомой судьбине,

Жених грядет, грядет к своей рабыне».

Вновь облаком оделся божий трон;

Восстал духов крылатый легион,

И раздались небесной арфы звуки…

Открыв уста, сложив умильно руки,

Лицу небес Мария предстоит.

Но что же так волнует и манит

Ее к себе внимательные взоры?

Кто сей в толпе придворных молодых

С нее очей не сводит голубых?

Пернатый шлем, роскошные уборы,

Сиянье крил и локонов златых,

Высокий стан, взор томный и стыдливый -

Всё нравится Марии молчаливой.

Замечен он, один он сердцу мил!

Гордись, гордись, архангел Гавриил!

Пропало всё. – Не внемля детской пени,

На полотне так исчезают тени,

Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре

И нежилась на ложе томной лени.

Но дивный сон, но милый Гавриил

Из памяти ее не выходил.

Царя небес пленить она хотела,

Его слова приятны были ей,

И перед ним она благоговела, -

Но Гавриил казался ей милей…

Так иногда супругу генерала

Затянутый прельщает адъютант.

Что делать нам? судьба так приказала, -

Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви

(Другого я не смыслю разговора).

В те дни, когда от огненного взора

Мы чувствуем волнение в крови,

Когда тоска обманчивых желаний

Объемлет нас и душу тяготит,

И всюду нас преследует, томит

Предмет один и думы и страданий, -

Не правда ли? в толпе младых друзей

Наперсника мы ищем и находим.

С ним тайный глас мучительных страстей

Наречием восторгов переводим.

Когда же мы поймали на лету

Крылатый миг небесных упоений

И к радостям на ложе наслаждений

Стыдливую склонили красоту,

Когда любви забыли мы страданье

И нечего нам более желать, -

Чтоб оживить о ней воспоминанье,

С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье,

И ты пылал, о боже, как и мы.

Создателю постыло всё творенье,

Наскучило небесное моленье, -

Он сочинял любовные псалмы

И громко пел: «Люблю, люблю Марию,

В унынии бессмертие влачу…

Где крылия? к Марии полечу

И на груди красавицы почию!..»

И прочее… всё, что придумать мог. -

Творец любил восточный, пестрый слог,

Потом, призвав любимца Гавриила,

Свою любовь он прозой объяснял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandr-pushkin/gavriiliada

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити